

Очерки философии культуры *).

1. Что такое культура?

I.

Новѣйшая исторія русской культуры отмѣчена одной характерной особенностью, которую можно было бы назвать *раздвоенностью общественнаго сознанія*. У насъ существуетъ не одно, а два общественныхъ мнѣнія, живущихъ совершенно самостоятельной жизнью и почти не считающихся одно съ другимъ. Это, съ одной стороны, инстинктивно вырабатываемое, питаемое текущими интересами и непосредственнымъ опытомъ жизни мнѣніе широкихъ слоевъ общества и народа и, съ другой стороны—свободно развивающееся, руководимое идеальными запросами и теоретическимъ образованіемъ міровоззрѣніе духовнаго авангарда страны—интеллигенціи.

Этотъ фактъ, который часто эксплуатируется въ тенденціозно искаженномъ видѣ нашими реакціонерами ради ихъ, менѣе всего національныхъ и общерусскихъ интересовъ, самъ по себѣ, однако, остается безспорнымъ и нерѣдко ощущается съ болѣзненной ясностью. Его можно подмѣтить всюду—за вычетомъ, быть можетъ, только русской художественной литературы, которая силою своего исключительнаго

генія, сумѣла преодолѣть эту раздвоенность и, усвоивъ величайшіе труды общечеловѣческой культуры, оставалась вѣрною настроенію и духовному складу всей націи. Въ политикѣ, въ религіи, въ морали,—вездѣ русская интеллигенція живетъ обособленно не только отъ народа, но и отъ болѣе широкихъ круговъ культурнаго общества. Мы указываемъ здѣсь совсѣмъ не на практическій разладъ; правда, онъ также иногда чувствуется въ отношеніяхъ между интеллигенціей и наименѣе образованными слоями народа—достаточно напомнить о культурно-исторической трагедіи, разыгрывающейся въ дѣяніяхъ „черной сотни“; но въ общемъ, вопреки утвержденію реакціонеровъ, можно сказать, наоборотъ, что практическія дѣйствія и стремленія интеллигенціи въ конечномъ счетѣ всегда гармонировали съ дѣйствительными потребностями и интересами страны.

Практическій духъ жизни, подлинныя страданія, подлинныя нужды и упованія народа всегда пробивались сквозь толщу чуждыхъ доктринъ и ученій интеллигенціи и находили въ послѣдней чуткій и смѣлый отголосокъ. Мы указываемъ только на теоретическое разногласіе міровоззрѣній. Оно вытекаетъ изъ общей некультурности нашей жизни, изъ отсутствія у насъ прочныхъ, глубоко коренящихся культурныхъ традицій; немногочисленный классъ образованнаго общества представляетъ собою, поэтому, какъ бы культурный оазисъ огромной пустыни; онъ живетъ обособленно, онъ свободно усваиваетъ послѣдніе плоды европейской цивилизаціи, но за то усваиваетъ ихъ только отвлеченно, не переваривая ихъ органически, не пропитывая сокомъ народной жизни.

Это разногласіе съ особенной силой сказывается въ судьбѣ самой *идеи культуры* въ русскомъ обществѣ. Въ практическомъ міросозерцаніи общества она пользуется чрезвычайной популярностью. Всѣ крупныя прогрессивныя движенія, осуществленныя въ Россіи—реформы Петра, какъ и реформы Александра II—опирались на идеи цивилизаціи и

*) Настоящіе „Очерки“ представляютъ отрывки изъ болѣе обширнаго политико-философскаго сочиненія, задуманнаго, какъ совмѣстный трудъ обоихъ авторовъ.—Ред.

культуры и черпали изъ нихъ свое вліяніе и силу; всѣ реакціонныя теченія и эпохи боролись съ культурой и просвѣщеніемъ и именно въ силу этого осуждались общественнымъ мнѣніемъ. Инстинктивное уваженіе, которое страна питаетъ къ интеллигенціи—къ тому слою общества, который сосредоточиваетъ въ себѣ все русское просвѣщеніе, русскую науку и русское искусство,—есть одна изъ главныхъ причинъ неотразимости либеральныхъ идей, исповѣдуемыхъ интеллигенціей. Все наше западничество выросло и держится на этой почвѣ; оно больше, чѣмъ отдѣльное культурное и политическое движеніе: оно есть культурно-психологическая тенденція всякаго русскаго человѣка. Передъ западно-европейской культурой русскій человѣкъ чувствуетъ себя въ положеніи школьника и неуча; даже когда онъ ненавидитъ ее, какъ нѣчто чуждое и антипатичное ему, онъ не можетъ не уважать ее, не стыдиться себя передъ нею. Матеріальная культура и культура духовная въ равной степени принуждаютъ его къ признанію превосходства Запада надъ Россіей; эта культура распространяется на всѣ области и направленія жизни; она подымаетъ всю жизнь цѣликомъ, безъ различія тенденцій, вѣрованій, учрежденій, на объективно болѣе высокой уровень; не только либеральныя идеи и учрежденія побѣдоноснѣе въ культурной средѣ, но въ ней успѣшнѣе дѣйствуютъ и власти, и духовенство, и полиція; культура—и притомъ не только матеріальная, но и духовная—во всѣхъ направленіяхъ сказывается, какъ сила, помощникъ и двигатель. И потому, оглядываясь на себя и на свою страну, русскій человѣкъ не можетъ не чувствовать, что, каковы бы ни были наши послѣдніе идеалы, къ чему бы мы ни стремились, намъ нужно учиться, просвѣщаться и воспитываться. Если знаніе и просвѣщеніе не приобрѣли еще въ Россіи того безусловнаго официальнаго признанія со стороны государства и общества, какимъ они пользуются на Западѣ, если намъ еще приходится защищать цивили-

зацію и доказывать ея значеніе, то, съ другой стороны, именно въ силу молодости и непрочности нашей культуры, быть можетъ, нигдѣ нѣтъ такого наивнаго непосредственнаго почтенія къ образованію, такой вѣры въ неизвѣданную еще силу и плодотворность культуры, какъ именно въ Россіи.

Оглянемся теперь на то, что составляетъ умъ и душу народа—на нашу литературу и общественную мысль.

Не трудно замѣтить, что идея культуры не занимаетъ въ ней подобающаго ей мѣста. У насъ были и есть сильныя теченія, прямо и сознательно отрицающія эту идею: толстовство и народничество. Политическіе радикалы въ принципѣ не отрекаются отъ культуры; а среди нихъ „марксисты“ даже кладутъ въ основу своего міровоззрѣнія идею развитія *матеріальной* культуры; прогрессисты всѣхъ отѣнковъ озабочены просвѣщеніемъ народа. Но всюду—идетъ ли рѣчь о культурѣ матеріальной, или о культурѣ духовной—преобладаетъ утилитарное пониманіе культуры. А утилитарная оцѣнка культуры есть собственно отрицаніе ея самостоятельной, объективной цѣнности. Мысль о значеніи культурнаго прогресса, какъ такового, идеаль духовнаго совершенствованія, развитія науки, искусства, религіи ради нихъ самихъ, ради присущаго имъ величія и святости,—можно сказать, чужды, или почти чужды русскому самосознанію. А если этотъ идеаль и шевелится въ русскихъ душахъ, если онъ преподносится многимъ, какъ прекрасная и великая задача, то онъ остался почти невыраженнымъ, нашелъ себѣ слишкомъ мало пророковъ и глашатаевъ. По скольку эти пророки являлись, ихъ голосъ находилъ себѣ мало отзвука въ душѣ общества. Чаадаевъ пророчествовалъ о культурѣ въ пустынь Николаевской эпохи; не только правительство объявило его сумасшедшимъ—и для своихъ современниковъ онъ остался одинокимъ чудакомъ. Но и мы, потомки, съ любовью вспоминающіе объ этомъ глубокомъ мыслителѣ-страдалцѣ—многіе ли изъ насъ понимаютъ,

какъ своевременно и нужно еще и теперь существо мыслей Чаадаева, независимое отъ парадоксальныхъ и субъективныхъ деталей ихъ содержанія? Послѣ Чаадаева другой, еще болѣе великій писатель, одинъ изъ гениальнѣйшихъ людей, которыхъ имѣла Россія—Тургеневъ—защищалъ идею самоцѣнности культуры и цивилизаціи; но Тургеневъ, признанный тотчасъ же и навсегда, какъ художникъ и гордость русской изящной литературы, въ своемъ культурно-философскомъ міровоззрѣніи былъ сшибленъ и оттиснутъ волной народнически-нигилистическаго движенія 60-хъ годовъ, которую онъ самъ первый подмѣтилъ и обрисовалъ. Его Базарова, отрицавшаго широкое понятіе культуры, но признававшаго по крайней мѣрѣ научное просвѣщеніе или его частицу—естествознаніе—смѣнили народники, потерявшіе вкусъ и къ наукѣ; народниковъ смѣнило толстовство, въ угоду морали отрекшееся и отъ науки, и отъ политики; съ тѣхъ поръ еще много новыхъ общественныхъ волнъ набѣгало и разбивалось, но ихъ культурно-философское содержаніе держалось все же въ кругѣ духовныхъ привычекъ и симпатій, сложившихся въ пору нигилизма. И философско-политическія идеи Тургенева еще доселѣ не получили достойнаго признанія. Но, быть можетъ, наиболѣе трагическое крушеніе потерпѣла идея культуры въ духовной эволюціи одного человѣка, который смѣло можетъ быть названъ величайшимъ русскимъ мыслителемъ. Мы говоримъ о Герценѣ. Герценъ, воспринявшій, какъ никто, все богатство западно-европейской культуры, предвосхитившій своими мыслями тѣ духовные плоды, которые эта культура начинаетъ приносить только на нашихъ глазахъ—Герценъ отрекался отъ культуры, стыдился ея и подчасъ готовъ былъ промѣнять цивилизацію, науку, искусство, свободу на маленькій, наивный духовный мірокъ мужика общинника.

Отрицательное отношеніе къ идеѣ культуры есть столь же глубокая и типичная черта нашей національной идеоло-

гії, міросозерцанія, господствующаго въ интеллигенціи и ею выработаннаго, сколь характерно въ практической жизни нашего общества его психологическое влеченіе къ культурѣ и почтеніе къ ней. Откуда этотъ разладъ? Какія моральныя побужденія заставляютъ интеллигента, единственнаго носителя культуры въ русскомъ обществѣ, быть равнодушнымъ къ ея идеѣ и даже бороться съ нею?

Но прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны сказать, что такое вообще есть культура.

II.

Человѣчество становится все менѣе и менѣе наивнымъ. Конечно, говорить о цѣломъ человѣчествѣ неудобно. Но этимъ выраженіемъ для насъ объемлются тѣ люди, которые болѣе или менѣе сознательно участвуютъ въ духовномъ творчествѣ исторіи. Эти люди несомнѣнно все больше теряютъ то наивное состояніе духа, которое характеризуется вѣрой. Утрачивая непосредственную увѣренность въ способность творческихъ замысловъ воплотиться въ дѣйствительность и дать духу удовлетвореніе задачи выполненной, исчерпавшей себя въ осуществленіи, люди охладѣваютъ и разочаровываются въ самыхъ идеалахъ и нравственныхъ побужденіяхъ, дающихъ жизни смыслъ и цѣну. Становясь менѣе вѣрующими, люди въ то же время дѣлаются односторонними. Правда, одно какъ бы противорѣчитъ другому. Односторонніе люди вѣрятъ въ ту „одну сторону“, въ тотъ кусочекъ жизни или культуры, которымъ они занимаются. Но вѣрить въ кусочекъ не значитъ вообще вѣрить въ томъ смыслѣ, въ какомъ вѣра есть важное, глубокое, опредѣляющее состояніе духа. Вѣрить въ статистическій методъ или даже въ бактериологію—не значитъ вѣрить въ науку, и, вѣря въ статистическій методъ, можно совсѣмъ не имѣть понятія о томъ, что же такое есть наука, не ощущать ея величія и значенія въ жизни человѣчества.

Мы—маловѣры. Съ маловѣріемъ и неустранимымъ маловѣріемъ человѣка, внутренне приобщившагося къ современной культурѣ, должно считаться всякое философское жизнепониманіе и даже всякое политическое направленіе современности. А въ то же время въ душевныхъ глубинахъ и у современного человѣка таится вѣра въ нѣкоторыя абсолютныя цѣнности, безъ которыхъ жизнь теряетъ смыслъ, и духъ, лишенный всякой опоры и всякаго строя, можетъ только прозябать, но не жить и не шириться.

Порвавъ внутренне съ наивной вѣрой, на чемъ же утвердить свое духовно-общественное бытіе современный человѣкъ? Доступна ли ему при еретическомъ направленіи его ума цѣлостное міросозерцаніе? И какъ можно имѣть цѣлостное міросозерцаніе, сохраняя духовную свободу, не попадая въ плѣнъ къ идоламъ и фетишамъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ понятіе культуры. Какъ невозможно опредѣлить жизнь, но всякій ясно понимаетъ, болѣе того, чувствуетъ, что такое жизнь, такъ же бесполезно гоняться за точнымъ опредѣленіемъ культуры, и въ то же время несомнѣнно, что культура—не пустой звукъ и не призракъ. Культура есть совокупность абсолютныхъ цѣнностей, созданныхъ и создаваемыхъ человѣчествомъ и составляющихъ его духовно-общественное бытіе. Въ сознаніи человѣчества живетъ рядъ вѣчныхъ идеаловъ—истина, добро, красота, святыня,—подвигающихъ его на творчество научное, художественное, моральное и религиозное. Плоды этого творчества, всѣ духовныя приобрѣтенія, смѣняющіяся работы поколѣній, образуютъ живую атмосферу сознательнаго бытія, постепенное воплощеніе абсолютнаго идеала въ собирательной жизни человѣчества. Это—непреходящій и непрерывно растущій осадокъ того, что было и есть вѣчно цѣннаго въ чувствахъ, помышленіяхъ и дѣйствіяхъ людей, истинное сошествіе на землю духа святого въ трудахъ и завоеваніяхъ всего человѣчества. Можно отвергать то или иное отдѣльное

явленіе, почитаемое въ данное время продуктомъ культуры; можно отбрасывать, какъ несостоятельныя, цѣлыя сферы и цѣлыя эпохи культурной жизни; можно отрицать религію во имя науки, или науку во имя религіи, политическую жизнь ради моральнаго совершенствованія, и мораль—ради успѣшности политическаго творчества. И это не только можно; отрицаніе и невѣріе, разрушеніе и борьба столь же нужны въ культурномъ творчествѣ, какъ вѣра и созиданіе, ибо это творчество движется путемъ непрерывной смѣны стараго новымъ, непрерывныхъ треній и столкновеній между культурными силами и теченіями. Но нельзя иначе, какъ по недоразумѣнію и непониманію, отрицать культуру какъ цѣлое, ибо она есть тотъ великій и неистощимый запасъ духовныхъ возможностей, изъ котораго каждый черпаетъ что ему нужно и который каждый пополняетъ тѣмъ, что есть истиннаго и вѣчнаго въ его индивидуальномъ своеобразіи. Левъ Толстой, отрицающій культуру политическую и научную во имя субъективной морали, есть, во-первыхъ, самъ одно изъ грандіозныхъ порожденій европейской культуры и былъ бы невозможенъ безъ Христа, Руссо, Шопенгауэра и Пушкина; и, съ другой стороны, онъ противъ своей воли обогащаетъ и обновляетъ презираемую имъ культуру своимъ моральнымъ реформаторствомъ. Невѣріе имѣетъ свои абсолютныя, логическія и естественныя предѣлы. Системы, направленія, вѣрованія гибнутъ и проходятъ; культура, какъ взаимодействие и совокупность всего, что творится духомъ идеала и правды на землѣ, неразрушима и вѣчна, и въ своей вѣчности и своемъ всеобъемлющемъ богатствѣ находитъ себѣ непререкаемое абсолютное оправданіе. Чей духовный взоръ можетъ охватить достаточно широкое пространство, чтобы усвоить богатство содержанія и непреходящую связь во времени культурнаго достоянія человѣчества, тотъ извлеченъ отъ скепсиса. Или, вѣрнѣе, лишь обозрѣвая культуру, какъ цѣлое, человѣкъ постигаетъ, что никакое невѣріе въ от-

дѣльныя стремленія и идеалы не можетъ мѣшать ему вѣрить въ культуру и трудиться для нея.

Съ точки зрѣнія этого понятія культуры не можетъ быть, собственно говоря, культуры въ матеріальномъ смыслѣ; то, что обычно зовется матеріальной культурой, имѣетъ значеніе только подготовительное, служебное по отношенію къ истинной культурѣ: оно есть ея необходимый спутникъ и пособникъ. Кельнскій соборъ, Акрополь, Сикстинская мадонна, Шекспиръ, Пушкинъ и все вообще искусство есть сама культура. Но желѣзныя дороги, телеграфы и телефоны, вообще вся техника, будучи порожденіемъ научной культуры и содѣйствуя развитію культуры, сама по себѣ не есть культура. Лишь въ самомъ широкомъ и элементарномъ смыслѣ, совпадающемъ съ этимологическимъ значеніемъ слова „культура“, можно говорить о культурѣ матеріальной. Подобно истинной, духовной культурѣ, она есть также продуктъ усилий, труда, сознательной воли человѣчества; завоеваніе и приобрѣтеніе неустанно движущагося впередъ и развивающагося человѣческаго разума. Не будучи культурой въ истинномъ смыслѣ, она, однако, отмѣчена ея печатью; это ея символическая и реальная близость къ культурѣ духовной, равно какъ услуги, оказываемыя ею развитію послѣдней, распространяетъ на нее психологически то уваженіе, которое мы питаемъ къ цивилизаціи и просвѣщенію. Но отъ этого далеко до смѣшенія одного съ другимъ; напротивъ, въ интересахъ культуры духовной чрезвычайно важно не упускать изъ виду чисто утилитарнаго, вспомогательнаго значенія такъ называемой „матеріальной культуры“. Часто случается—до извѣстной степени, вся современная европейская жизнь отмѣчена этой чертой—что увлеченіе технической, внѣшней стороною культуры отвлекаетъ вниманіе отъ тѣхъ абсолютныхъ самодовлѣющихъ идеаловъ, воплощеніе которыхъ образуетъ истинную культуру. Такое увлеченіе накладываетъ на душу современнаго европейца печать ути-

литаризма и „практичности“, несовмѣстимую съ пониманіемъ идеальнаго, антиутилитарнаго духа культуры. Культура въ себѣ самой носить свою цѣнность. Поэтому все отъ культуры, будучи самымъ нужнымъ для человѣка, въ извѣстномъ, другомъ смыслѣ отличается полной ненужностью. „Практическимъ“ людямъ не нужна ни религія, ни искусство, ни мораль, ни наука въ высшемъ ея значеніи; „культурнымъ людямъ“ въ смыслѣ Щедрина не нужна и чужда культура. И въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы „заказывать платье у Шармера“, не нужно никакой культуры.

III.

Если практическая ненужность культуры порождаетъ ей врага въ лицѣ *утилитаризма*, то ея многообразіе и богатство, ея широта и универсальность заставляетъ возстать противъ нея другое моральное направленіе—*аскетизмъ*.

Несмотря на кажущуюся противоположность между этими двумя главными противниками идеи культуры, корень ихъ враждебности къ ней одинаковъ. Обоиъ обще стремленіе съузить духовное содержаніе человѣческой жизни, выдѣливъ изъ него то, что признается единственно нужнымъ и существеннымъ, и рѣшительно отбросивъ и уничтоживъ все остальное. Утилитаризмъ отвергаетъ культуру, такъ какъ не признаетъ вообще никакихъ абсолютныхъ цѣнностей, выводя всѣ цѣнности изъ практической пользы, изъ низшихъ субъективныхъ потребностей; аскетизмъ отвергаетъ культуру, такъ какъ признаетъ только *одну* абсолютную цѣнность—моральную—и считаетъ всѣ остальныя цѣнности призраками и порожденіями сатаны. Утилитаризмъ отрицаетъ божественный духъ человѣка во имя его земныхъ стремленій и нуждъ, аскетизмъ отрицаетъ земное строительство человѣка во имя его божественнаго существа: *обоимъ—по крайней мѣрѣ въ принципѣ—чужда идея богочеловѣчества, идея воплощенія абсолютныхъ цѣнностей духа въ зем-*

ной жизни и ея средствами—идея, лежащая въ основѣ философскаго понятія культуры. Оба не достигаютъ высшаго единства трансцендентнаго съ эмпирическимъ и его не допускаютъ. Образую взаимно противоположныя моральныя тенденціи, они совпадаютъ въ своемъ отрицаніи возможнаго сліянія тѣхъ началъ, въ которыхъ они односторонне замыкаются.

Говоря объ утилитаризмъ и аскетизмъ, какъ двухъ главныхъ врагахъ идеи культуры, мы тѣмъ самымъ отмѣтили источникъ непопулярности этой идеи въ русскомъ образованномъ обществѣ. Исторія русской общественной мысли за послѣдніе полъ-вѣка стоитъ подъ знаменемъ этихъ моральныхъ направленій; она создана утилитаристами и аскетами, людьми, отрекавшимися отъ культуры то во имя мужика, то во имя Бога и нравственнаго спокойствія. Утилитаризмъ и аскетизмъ сплелись въ сознаніи русскаго интеллигента въ одно логически неуклюжее, но психологически стройное и цѣльное міросозерцаніе, и жало этого міросозерцанія направлено прежде всего противъ идеи культуры, противъ признанія самодовлѣющей цѣнности духовныхъ идеаловъ, воплощаемыхъ въ исторической жизни. Писаревъ, отвергавшій Пушкина ради „печного горшка“ и совѣтовавшій Щедрина писать популярныя брошюры по естествознанію, „кающіеся дворяне“, отказывавшіеся отъ политической свободы ради благополучія народа, Левъ Толстой, проклявшій науку, искусство и политику ради чистоты нравственной жизни, исполненія воли Божіей,—всѣ они сочетаютъ въ себѣ аскетизмъ съ утилитаризмомъ, и стремятся ради „хлѣба единаго“ съузить и выхолостить богатство культурнаго содержанія жизни. Типичный русскій интеллигентъ, жизнепониманіе и духовный складъ котораго опредѣляютъ культурную и моральную философію современнаго общества, есть, такъ сказать, помѣсь нигилиста съ толстовцемъ. Если его міровоззрѣніе опредѣляется чудовищнымъ силлогизмомъ:

„человѣкъ происходитъ отъ обезьяны и потому долженъ жертвовать собою для общаго блага“ (въ остроумной формулировкѣ Вл. Соловьева), то это потому, что Базаровъ въ его душѣ слился съ монахомъ-иконоборцемъ въ одно неразрывное и неразличимое цѣлое. „Нигилизмъ“ есть, быть можетъ, наиболѣе подходящій терминъ для этого міросозерцанія — разумѣется, если подъ нигилизмомъ понимать не политическій радикализмъ и не „отрицаніе авторитетовъ“, а философскую тенденцію идейнаго упрощенія и опрощенія.

Мы, вѣрящіе въ культуру, усматривающіе въ наукѣ, искусствѣ, религіи, морали и политикѣ одну общую великую сокровищницу человѣчества, которую надо беречь и пополнять, а не разрушать и отвергать, не могущіе допустить, чтобы идеаль состоялъ не въ духовномъ богатствѣ, а въ духовной бѣдности — мы противопоставляемъ этому традиціонному русскому нигилизму идею *гуманизма*. Подъ гуманизмомъ мы разумѣемъ идеализмъ, вѣру въ абсолютныя цѣнности, соединенную съ вѣрой въ человѣчество и его творческія задачи на землѣ. Это направленіе, рожденное въ великую эпоху расцвѣта культуры — въ эпоху возрожденія—до сихъ поръ лежитъ въ разныхъ оттѣнкахъ и подъ разными названіями и кличками въ основѣ всего культурнаго прогресса въ Европѣ. Подобно Ницше, мы хотимъ, несмотря на весь скептицизмъ и невѣріе, необходимо присутствующіе современному человѣчеству, остаться „добрыми европейцами“; мы не хотимъ разрывать традиціи, которая соединяетъ наши нынѣшніе запросы, духовныя томленія и упованія текущаго дня со всѣмъ, что есть цѣннаго и непреходящаго въ европейской культурѣ, начиная съ античнаго міра и христіанства и кончая величайшими завоеваніями современной науки, тонкостью и богатствомъ современнаго искусства, послѣдними идеалами этической и политической мысли. Понимая и цѣняя національность—тоже какъ культурный факторъ—мы хотимъ быть гражданами европейскаго міра и

участниками его культуры, *citoyens du monde civilisé*, и твердо вѣруемъ, что приобщеніе къ культурѣ не убиваетъ, а развиваетъ совѣсть, что содѣйствіе культурному прогрессу, основанное на уваженіи къ человѣческому духу, не можетъ быть грѣхомъ ни передъ Богомъ, ни передъ Народомъ. Страна, создавшая такія культурныя свѣтила первой величины, какъ Пушкинъ, Герценъ, Тургеневъ, Толстой—эта страна не только не можетъ—она *не въ правѣ* отречься отъ культуры.

Культура учитъ широтѣ и терпимости. Вотъ почему идеѣ культуры такъ претитъ умственное сектантство, которое отвергаетъ все, не подходящее подъ его „складку“, все, не подчиняющееся его идейной или моральной командѣ. Въ культурѣ рядомъ живутъ, какъ яркіе, льющіе свѣтъ и жизнь лучи, и языческая Венера и христіанская Мадонна, и красота нагого тѣла, и величіе безплотнаго, надъ всякой тѣлесностью поднимающагося духа. Культурѣ дорога одинаково и суровая работа уединенной мысли, и страстная пѣснь торжествующей плоти. Культурѣ принадлежитъ религиозное упоеніе, которое ощущаетъ Бога въ біеніи своего сердца и видитъ его въ небесахъ. Но въ культуру на равныхъ правахъ входитъ и безбожіе непокорной, во всемъ сомнѣвающейся, все подрывающей человѣческой мысли. Всякая мысль, лишь бы она была глубока и своеобразна, всякое произведеніе искусства, лишь бы оно было красиво, всякое моральное усиліе, лишь бы оно было искреннее и творческое, всякое исканіе истины, красоты и правды созидаетъ культуру. Въ культурѣ, какъ въ Пантеонѣ, есть мѣсто для всѣхъ боговъ, а боги культуры—всѣ тѣ, на коихъ почилъ благодать творческой силы и красоты. Войдите въ Парижскій Пантеонъ. Тамъ отъ стѣнныхъ картинъ, отъ этихъ ликовъ св. Женевьевы и Дѣвы Орлеанской, вѣетъ духомъ католичества и средневѣковья, а въ подземной усыпальницѣ покоятся великіе скептики Вольтеръ и Ренанъ. Подъ готическими сво-

дами Вестминстерскаго Аббатства рядомъ съ вѣрующими католиками и католичками лежитъ разрушитель благочестивыхъ легендъ, революціонеръ естествознанія, безбожный въ глубинѣ души Дарвинъ.

Вотъ символы культуры, краснорѣчивѣе словъ проповѣдующіе широту и терпимость, свободу и искренность.

П. Струве и С. Франкъ.